

А.А. Холиков

Московский государственный университет

«Религия» как сверхтема во втором прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского

Аннотация: Автор статьи предпринимает попытку рассмотреть «религию» в качестве сверхтемы в творчестве Д.С. Мережковского на материале второго «Полного собрания сочинений» (1914). Анализ значимых компонентов и их соотношения внутри названного смыслового пространства показывает, что критика и публицистика писателя представляют собой развернутую экспликацию смыслов, зашифрованных в художественной форме, а вместе с тем – используются как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического пласта во времени и пространстве. Большой хронотоп, в свою очередь, укрепляет цельность этого прижизненного издания, способствует его легитимизации как структурно-семантического единства и делает более отчетливой картину мира Мережковского.

The author of the paper makes an attempt to examine the semantic field of «religion» as a supertheme in D.S. Merezhkovsky's works on the basis of his second «Complete Works» (1914). The analysis of the meaningful components and their correlations within the said semantic field shows that the boundary between fiction and non-fiction works of the writer is relative the writer's critical and journalistic articles are a detailed explication of meanings encoded in his fiction. At the same time these texts are used as a way to update and expand the issues and themes through time and space. The big chronotope strengthens the integrity of the collected works, helps to legitimize them as both the structural and semantic unity and makes Merezhkovsky's picture of the world more distinct.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, прижизненное полное собрание сочинений, структурно-семантическое единство, религия.

D.S. Merezhkovsky, lifetime complete works, structural and semantic unity, religion.

УДК: 82.0

Контактная информация: Москва, Ленинские горы, ГСП-1. МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет. Тел. (495) 9393248. E-mail: alexey_kholikov@mail.ru.

В ряде работ, опубликованных ранее¹, нам уже приходилось писать о том, что полные собрания сочинений как вид издания нуждаются в специальном историко- и теоретико-литературном изучении, так как принадлежат к плохо исследованным метатекстовым образованиям. Думается, наибольший научный интерес среди них представляют *авторизованные прижизненные полные собрания сочинений* (заметим, что книговеды не учитывают их в известных классификациях), завершенные и переиздававшиеся. Несмотря на недостатки (относительность полноты, слабость текстологической подготовки, ошибки, опечатки и адресован-

---

¹ См. статьи по данной проблеме: [Холиков, 2011а-г; 2012а, 2012б].

ность прежде всего массовому читателю), такие издания ценны, поскольку отражают авторскую волю и оценку писателем собственного наследия. Прижизненное ПСС чаще всего предполагает выборку текстов, их авторское редактирование (порой – переписывание) и не совпадает с тем, что называется «творческим наследием» писателя.

Мережковский – из числа немногих, кому удалось при жизни выпустить два «Полных собрания сочинений». Первое – в 17 томах (СПб.; М.: М.О. Вольф, 1911 – 1913), второе – в 24-х (М.: И.Д. Сытин, 1914). С позиций интерпретирующей поэтики изучение авторизованных прижизненных ПСС предполагает выявление содержательных моментов этой полисемантической структуры, собственно формальных компонентов (состава и композиции), отражающих в своем единстве творческую волю автора, и установление связей между ними. В свою очередь, аналитическое рассмотрение второго прижизненного ПСС Мережковского в содержательном плане позволяет говорить о сверхтеме «*религия*»¹. Очертить ее границы, наметить пути для последующего анализа – главная цель настоящей публикации.

Многое в изучении религиозно-философских взглядов Мережковского уже сделано в ставших хрестоматийными работах Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, Вяч. Иванова, И.А. Ильина, В.В. Розанова, Г.В. Флоровского, Л.И. Шестова и др. Из современных исследователей назовем В.В. Бычкова, И.В. Воронцову, П.П. Гайденко. Предпринятое нами рассмотрение носит сугубо литературоведческий характер и не имеет своим предметом структуру религиозного мировоззрения писателя.

I

В ПСС Мережковского сверхтема «религия» складывается прежде всего из семантических компонентов «язычество» – «христианство», «Христос» – «Антихрист», «историческая Церковь» – «грядущая Церковь». Здесь мы не будем касаться таких смежных и более частных вопросов, как «государство и церковь», «раскольничество и сектантство», «революция и религия».

К смысловому компоненту «язычество» у Мережковского приложимы такие характеристики, как «красота», «веселье», «страсть», «телесность», «земная жизнь». Достаточно вспомнить описание жилища жреца Олимпиодора из первой части трилогии «Христос и Антихрист»: «Все смеялось в домике, облитом солнечным светом: смеялись nereиды на стенах, пляшущие богини, тритоны, даже морские чешуйчатые кони; смеялся медный Посейдон на ручке лампы; тот же смех был и на лицах обитателей дома; они родились веселыми; им довольно было двух дюжин вкусных оливок, белого пшеничного хлеба, кисти винограда, нескольких кубков вина, смешанного с водою, чтобы счесть это за целый пир...» [Мережковский, 1914, т. I, с. 28]. Языческое веселье составляет содержание «Песни вакханок», демонстрирующей, что смех – одна из главных точек размежевания «язычества» и «христианства». Насмешливые древние боги могут быть противопоставлены Христу, который, согласно одному из преданий, никогда не смеялся². В середине 1890-х годов «правда смеха» («...Один есть подвиг в жизни – радость, / Одна есть правда в жизни – смех!») [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 45]) перехо-

---

¹ Произведения, отобранные Мережковским, служат решению им же сформулированной задачи: «Как не доказать, а показать, что религия – самое нужное из всех человеческих дел?» [Мережковский, 1914, т. XIII, с. 5]. Курсив наш. – А.Х.

² Ср. с высказыванием С.С. Аверинцева: «...Предание, согласно которому Христос никогда не смеялся, с точки зрения философии смеха представляется достаточно логичным и убедительным. В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен» [Аверинцев, 1992, с. 9].

дит у Мережковского в «символ веры», и в этом, с одной стороны, можно усмотреть бесспорное влияние философии Ницше. Оно проявляется как в характере смеха – immoralного, нравственно-безразличного, находящегося «по ту сторону добра и зла»: «Гряди, всесильный Вакх, дерзай, / И все преграды, все законы / С невинным смехом нарушай!» [XXII: 46] (ср. у Ницше: «...В смехе все злое собрано вместе, но признано священным и оправдано своим собственным блаженством...» [Ницше, 1996, с. 168]), – так и в образе Вакха (Диониса): «Как лвиный рев, – могуч и страшен / Смех Дионисия святой» [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 45]. С другой стороны, налицо родство языческого и карнавального смеха с его телесностью («Ханжам ревнивым вы не верьте / И не стыдитесь наготы...» [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 45]), жизнеутверждающим характером («Унынье – величайший грех» [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 45]), освобождением не только от серьезности, но и от страха, в том числе – страха смерти («...И смехом смерть мы побеждаем, / С безумьем Вакховым в сердцах!..» [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 46]). Когда Мережковский сопоставляет историческое христианство и язычество, то симпатии повествователя чаще оказываются на стороне второго. Истоки этого предпочтения самому писателю видятся не в увлечении ницшеанством, а в детском наивном пантеизме: «Крик ласточек сквозь пение псалмов, / Шумящие под свежим ветром клены, / Дыхание сиреневых кустов, / Все манит прочь из церкви в сад зеленый, / И кажется мне страшным лик Христов / Сквозь зарево свечей во мгле иконы: / Любовью, чуждой Богу, мир любя, / Язычником я чувствовал себя» [Мережковский, 1914, т. XXIV, с. 62].

Естественное, природное, «наивное» мироощущение язычников противопоставлено в контексте ПСС историческому христианству как религии, обратившейся в отрицание жизни. «...Слуги Распятого, ненавидящие жизнь...» [Мережковский, 1914, т. I, с. 137] – такая характеристика звучит из уст одного из персонажей первой трилогии (матери Ювентина, который покидает ее ради служения Христу). В исследовании о Гоголе писатель от своего лица высказывается на этот счет развернуто: «Христианство сделалось безжизненным, бесплотным, бездейственным, а жизнь, плоть, действие – не-христианскими. Все современное европейское человечество раздирается этим противоречием» [Мережковский, 1914, т. XV, с. 269]. Примечательно, что Мережковский расширяет возможности для художественно-философских и критико-публицистических параллелей. «Спор христианской и античной нравственности, – читаем в очерке о Майкове (который, по словам автора, “до конца своих дней в глубине души остался язычником, несмотря на все усилия перейти в веру великого Назарянина” [Мережковский, 1914, т. XVIII, с. 82]), – до сих пор еще нельзя считать законченным» [Там же, с. 74].

Таким образом, антитеза двух смысловых компонентов – эллинизм и христианство – не только подразумевается, исходя из принятых писателем характеристик каждого, но и вербализуется в самых разных формах: от философской лирики («Где же ты, истина?... В смерти, в небесной любви и страданиях, / Или, о тени богов, в вашей земной красоте? / Спорят в душе человека, как в этом божественном храме, – / Вечная радость и жизнь, вечная тайна и смерть» [Мережковский, 1914, т. XXIII, с. 160]) до публицистики («Напрасно близорукие европейцы так мало придают значения тому, что наша война с Японией – война языческого народа с христианским» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 159]).

То, что, вопреки традиционным церковным представлениям, язычество и христианство вовсе не исключают друг друга, писатель последовательно подчеркивает, высвечивая зыбкость границ между двумя религиями на многочисленных примерах. По большей части – в трилогии «Христос и Антихрист». Так, на источнике теплой целебной воды видим изображения языческих богов, которые, «оставшись неприкосновенными, считались изображениями христианских святых, Козьмы и Дамиана» [Мережковский, 1914, т. I, с. 1]. О старой рабыне Лабде сказано: «...Вся была увешана крестиками, кощунственными амулетами из мерт-

вых костей и ладанками с мощами святых» [Мережковский, 1914, т. I, с. 9]. Другой персонаж, Парфений, во время работы не замечал, что «придает голому телу Адама древнюю олимпийскую прелесть бога Диониса» [Мережковский, 1914, т. I, с. 214]. Арсиноя лепила обнаженное тело олимпийского бога с лицом, полным неземной печали, а Анатолий «хотел и все не решался спросить ее, кто это: Дионис или Христос?» [Мережковский, 1914, т. I, с. 347]. В сходную ситуацию попал Джиованни, герой второго романа Мережковского, когда посмотрел на картину Сандро Боттичелли «Рождение Венеры» и «вдруг вспомнил, что такое же точно лицо, такие же детские очи, как будто заплаканные, такие же невинные губы, с выражением неземной печали, он видел на другой картине того же Сандро Боттичелли – у Матери Господа» [Мережковский, 1914, т. II, с. 214]. Алексей в заключение трилогии присутствует по воле царя на торжественном посвящении дворца Лефорта богу Бахусу, но еще раньше слушает признание Аврамова: «Зазирает меня совесть, что поклоняемся, будучи христианами, идолам языческим...» [Мережковский, 1914, т. IV, с. 19].

Эллинизм у Мережковского не просто соседствует с христианством, образуя причудливые сочетания, но является его предвестием. Писатель находит множество способов воплотить эту мысль в самой художественной ткани произведений. Здесь к месту вспомнить арианскую базилику св. Маврикия из романа о Юлиане Отступнике, которая «построена была почти целиком из камней разрушенного храма Аполлона» [Мережковский, 1914, т. I, с. 23]. О том, как «святые мужи» соорудили церковь на месте языческого храма, можно также прочитать в романе «Антихрист (Петр и Алексей)» [Мережковский, 1914, т. V, с. 17]. В часовне алтаря, посвященной Архангелу Михаилу и воздвигнутой на развалинах древнего римского капища, разворачиваются события одной из итальянских новелл Мережковского («Святой сатир»). В другом произведении – «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)» – Джорджо Мэрула, придворный летописец миланского герцога, показывает истрепанную книгу, похожую на церковный требник или псалтырь, и вдруг Джиованни Бельтраффио замечает, как там, где соскоблены церковные буквы, появились иные отпечатки древнего письма: «Видишь, видишь, покойники выходят из могил! – повторял Мэрула с восторгом. – Кажется, гимн олимпийцам» [Мережковский, 1914, т. II, с. 16]. От персонажа по имени Евтихий узнаем, что «в старых русских церквах, рядом со святыми угодниками, изображены языческие мудрецы, поэты и сибиллы, которые отчасти пророчествовали о Рождестве Христовом» [Мережковский, 1914, т. III, с. 341]. Об этом же Мережковский от себя напишет в статьях «Лев Толстой и церковь» («На иконостасах древнейших русских церквей рядом со святыми и мучениками находятся изображения сибилл, мудрецов и поэтов языческой древности, которые, не ведая имени Господа, чаяли Его пришествия» [Мережковский, 1914, т. XVI, с. 149]), а также – «Трагедия целомудрия и сладострастия» («Наши древние иконописцы изображали языческих мудрецов, поэтов и сибилл, предвещавших Мессию. И в Вяжицком монастыре, в храме святого Николая (1462 г.), под Спасителем, сидящим на престоле, изображен: “Трагик Эврипидий” со свитком “*Аз чаю неприкосновенному родитися от Девы и сокресити мертвыя и паки судити им*”» [Мережковский, 1914, т. XVII, с. 24]).

Вопрос, сформулированный в очерке о Плинии Младшем («Не было ли христианство проявлением того, что невидимыми путями подготавливалось в недрах языческого мира?») [Мережковский, 1914, т. XVII, с. 52]), носит у Мережковского явный риторический характер. Положительный ответ на него настойчиво повторяется в литературно-критических текстах о Л. Толстом и Достоевском [Мережковский, 1914, т. IX, с. 26], Гоголе [Мережковский, 1914, т. XV, с. 239], многих других. А примирение двух обозначенных автором полюсов («правды о земле» и «правды о небе») представляется писателю необходимым. Но возможным ли?

«Это, – полагает он в статье о Пушкине, – неразрешенный, быть может, даже неразрешимый, вопрос будущего» [Мережковский, 1914, т. XVIII, с. 156].

По мнению Луки Пачиоли, с которым в романе «Воскресшие боги» совершенно согласен Леонардо да Винчи, «все можно примирить, все соединить» [Мережковский, 1914, т. II, с. 316]. Очевидный намек на достижимость синтеза язычества с христианством прочитывается в финальном фрагменте романа о Юлиане Отступнике [Мережковский, 1914, т. I, с. 351]. В другом тексте, ссылаясь на Гоголя, Мережковский пишет о том, что из соединения двух этих начал явился Пушкин [Мережковский, 1914, т. XV, с. 233]. Из них же, как уверяет автор, явился Гоголь, но внутри него случился разлад: «В этом-то неравновесии двух первоначальных начал – языческого и христианского, плотского и духовного, реального и мистического – заключается вся не только творческая, созерцательная, но и жизненная религиозная судьба Гоголя» [Мережковский, 1914, т. XV, с. 240]. Нарушение равновесия между язычеством и христианством, по Мережковскому, – одно из препятствий чаемому синтезу, другое – неверное их толкование. Наиболее вероятный «примиритель двух миров», настаивает писатель, – это «Неведомый», который в начальных текстах ПСС напоминает собой «Сверхчеловека» (см. описание, данное Максимом Эфесским [Мережковский, 1914, т. I, с. 247]), но в последующих частях собрания все отчетливее отождествляется с Христом. Разобраться в этом мировоззренческом сдвиге помогает анализ другой пары семантических компонентов сверхтемы «религия».

II

В религиозной традиции слово «антихрист» имеет расширенное и узкое толкования. «В общем смысле, – сказано в авторитетном источнике рубежа XIX – XX вв., – антихристом называется всякий, кто отвергает, что Иисус есть Христос, кто не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, кто отвергает Отца и Сына» [Беляев, 1900, стб. 821]. В частном значении: «Этот антихрист один, он еще не пришел, но некогда явится, и в отличие от своих предшественников, или антихристов не настоящих, называется великим или последним антихристом» [Беляев, 1900, стб. 821]. В произведениях Мережковского оба смысла дополняются раскольническим взглядом, согласно которому «царство антихриста уже настало» [Смирнов, 1900, стб. 835]. Вот почему у пары «Христос – Антихрист» в ПСС есть несколько субститутов: «Богочеловек – Человекобог», «Человек – Зверь», «Восток – Запад». В их толковании Мережковский проходит несвойственный для себя путь от синтеза к расщеплению.

В ряде текстов Христос и Антихрист воспринимаются персонажами, близкими автору, как два лика одного лица. Изначально мысль писателя сводилась к тому, что «Богочеловек и Человекобог – одно и то же» [Мережковский, 1914, т. XII, с. 103]. Так думал Джiovанни, хотя самому себе не признавался в этих мыслях и гнал их прочь, о двух Леонардовых изображениях лика Господня [Мережковский, 1914, т. II, с. 345]. Сам же Леонардо на последней странице дневника своего ученика, который не выдержал противоречия и повесился, прочел: «Последняя тайна: два – едино. Христос и Антихрист – едино. Небо вверху и небо внизу. – Да не будет, да не будет сего!» [Мережковский, 1914, т. III, с. 288]. Косвенное подтверждение тому, что Человек и Зверь, подобно Христу и Антихристу, способны слиться воедино, Мережковский находит у древних греков, с легкостью превращавших бога-человека в бога-зверя [Мережковский, 1914, т. X, с. 71]. Наконец, в соединении Востока и Запада писатель прозревает всемирно-историческую судьбу России. «...Христос и Антихрист, – говорится в трактате “Л. Толстой и Достоевский”, – вот два противоположные берега, два края этой бездны. И горе наше или счастье в том, что у нас действительно “две родины – наша Русь и Европа”, и мы не можем отречься ни от одной из них: мы должны

или погибнуть, или соединить в себе оба края бездны» [Мережковский, 1914, т. IX, с. X]. В примирении духа восточного и западного Мережковскому видится тайна Пушкина и всей будущей русской культуры.

Спустя годы к писателю приходит осознание того, что правда все-таки одна – Христос, и эта перемена во взглядах, разумеется, отразилась в ПСС. В предисловии к изданию Мережковский сам проводит линию метаморфозы через творчество: «Когда я начинал трилогию “Христос и Антихрист”, мне казалось, что существуют две правды: христианство – правда о небе, и язычество – правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд – полнота религиозной истины. Но, кончая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом – кощунственная ложь; я знал, что обе правды – о небе и о земле – уже соединены во Христе Иисусе...» [Мережковский, 1914, т. I, с. VI]¹. В 1913 году, незадолго до выхода второго ПСС, Мережковский пишет стихотворение «Не-Джиоконде», в котором повторяет собственную исповедь: «И я пленялся ложью сладкою, / Где смешаны добро и зло; / И я Джиокондовой загадкой / Был соблазнен, – но то прошло: // Я всех обманов не-таинственность, / Тщету измен разоблачил; / Я не раздвоенность – единственность / И простоту благословил» [Мережковский, 1914, т. XXIV, с. 81]. Ошибочность антитезы, от которой теперь так настойчиво отрекается Мережковский, через несколько лет была обоснована в статье Н.А. Бердяева «Новое христианство...» (1916).

Не этим ли мировоззренческим сдвигом вызван тот суровый приговор, который писатель выносит своему бывшему «учителю» Ницше: «Но действительно ли не узнал он Его? Или только не хотел узнать, обманывал себя и притворялся, что не узнает? Не от ужаса ли этого последнего познания и признания ушел он в свое безумие, заживо умер, навеки онемел, чтобы только не воскликнуть: Ты победил, Галилеянин!» [Мережковский, 1914, т. XII, с. 59]? Не только признание победы Христа приобретает иной характер. По-новому осмыслиется образ солнца, которое из языческого символа в романе о Юлиане Отступнике² (см. также заключительные строки стихотворения «Дети ночи» [Мережковский, 1914, т. XXII, с. 171]) превращается в христианский символ слова Божьего в финале исследования «Л. Толстой и Достоевский»: «...Мы впервые видим Солнце великого дня; мы раньше всех говорим Ему: “Ей, гряди, Господи!”» [Мережковский, 1914, т. XII, с. 272]. Для сравнения приведем пример из «Апокалипсиса», самой любимой части Священного Писания у Мережковского, где о Христе грядущем сказано: «...И лице Его, как солнце, сияющее в силе своей» [Апок. 1: 16]; или – об истинной церкви: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце...» [Апок. 12: 1].

Таким образом, Мережковский окончательно утвердился в мысли о том, что будущее России – не в примирении Христа и Антихриста, а оппозиция «Восток – Запад» наполнилась новым содержанием («Европа – Азия» вместо «Россия – Европа»). Отказ писателя от своих прежних убеждений находим в его открытом письме Н.А. Бердяеву: «Я теперь сознаю, как близко был к Антихристу, какую страшную силу его притяжения испытал на себе, когда бредил о грядущем “папекесаре”, “царе-священнике”, как предтече Христа Грядущего» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 176]. Этот вывод, с одной стороны, согласуется с государственной поддержкой в конце XVI – начале XVII вв. негативно-мистических настроений русских в отношении Запада (взгляд на Папу «как на лицо, способствующее ско-

¹ Курсив автора.

² См. слова умирающего Юлиана: «Пусть галилеяне торжествуют. Мы победим потом, и – с нами солнце!» [Мережковский, 1914, т. I, с. 335]. Солнце как языческий символ присутствует в поэзии Мережковского («Песня солнца», «Солнце») и «Вечных спутниках». «Древние – истинные *дети солнца*», – говорится в очерке «Плиний Младший» [Мережковский, 1914, т. XVII, с. 67].

рее осуществиться тому “отступлению”, с которым последует явление антихриста» [Смирнов, 1900, стб. 840]); с другой же стороны – выражает отношение Мережковского к самодержцу как предтече Антихриста. «...Царь и папа, – читаем в “Александре I” , – обратно-подобны, как две руки...» [Мережковский, 1914, т. VIII, с. 64] Художественным воплощением данного взгляда стал Петр I в романе «Антихрист (Петр и Алексей)». Мережковский изобразил распространенное в среде раскольников и некоторых православных восприятие императора как «нарушителя веры». Однако это не единственный образ, при помощи которого писатель пытается подчеркнуть антихристианскую сущность государственной власти. Его нужно дополнить образами Павла I из одноименной пьесы и Аракчеева из «Александра I». Последний хоть и не самодержец, но, как утверждает Мережковский в одной из статей, именно от него зависят судьбы церкви, глава которой – «не Христос, ни даже русский царь, а русский хам Аракчеев» [Мережковский, 1914, т. XV, с. 116]. Значит, природа Антихриста низшая. Об этом писатель предупреждает в публицистике: «...Воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 37]. Данная позиция объясняет, почему в начале XX в. главным объектом критики Мережковского стал не император Николай II, а многочисленные проповедники религии Человека без Бога среди интеллигентов (М. Горький) и политиков (В. Ленин). Накануне революции 1917 года пророчески прозвучали слова писателя: «Я говорил некогда о хаме грядущем; боюсь, что скоро придется говорить о пришедшем хаме» [Мережковский, 1914, т. XVI, с. 120].

III

Упрекая историческую церковь в том, что она «бессознательно поддерживала худшую из всех политик, политику вечной косности, вечного рабства, политику князя мира сего» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 139], Мережковский взыскует вселенской церкви, общей для России и Европы. Прообразом будущего соединения служит ему «Гистория о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли», рассказанная Езопкой в трилогии «Христос и Антихрист». Мысль П.Я. Чаадаева о том, что «без церкви вселенской нет для России спасения» [Мережковский, 1914, т. VII, с. 73], занимает Одоевского в романе «Александр I». Ее выразителями становятся и другие герои: Валерьян Голицын [Мережковский, 1914, т. VIII, с. 108], Сергей Муравьев [Мережковский, 1914, т. VII, с. 145], Александр I [Мережковский, 1914, т. VI, с. 208]. Созвучная Мережковскому идея всемирного единения во Христе содержится также в «Дневнике писателя» Достоевского: «Ибо идея эта есть идея европейского человечества, из нее составилась его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет» [Мережковский, 1914, т. XI, с. 39]. Неслучайно данная цитата приводится на страницах работы «Л. Толстой и Достоевский». Однако задолго до того, в 1891 году, Мережковский написал стихотворение «Будущий Рим», в котором эта же мысль воплощена в художественной форме: «О, неужель не найдем веры такой, чтобы вновь / Объединить на земле все племена и народы? / Где ты неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?» [Мережковский, 1914, т. XXIII, с. 160].

Образ «неведомого Бога» взят Мережковским из Нового завета: «...И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! по всему вижу я, что вы как бы особенно набожны... Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано “неведомому Богу”. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам» [Деян 17.22, 23]. Этот фрагмент (правда, в другом переводе) использован поэтом как эпитафия к сборнику «Символы», и отсылка к нему встречается не только в стихотворении «Будущий Рим», но и в «Пантеоне». Кроме то-

го, можно вспомнить призыв Кассандры, еще одной героини Мережковского: «Выпьем же вместе, брат мой, этот прощальный кубок за Неведомого, которого оба зовем...» [Мережковский, 1914, т. III, с. 258].

В поисках неведомого Бога писатель приходит к «новому религиозному сознанию»¹. (Поскольку эта грань мировоззрения Мережковского изучена глубже остальных, мы не останавливаемся на ней подробно). «Грядущую церковь», призванную составить фундамент «нового религиозного сознания», вместе с Мережковским ищет Тихон, герой романа «Антихрист (Петр и Алексей)». «Он понял, – говорит автор, – что церковь старая не лучше новой, и решил вернуться в мир, чтоб искать истинной церкви, пока не найдет» [Мережковский, 1914, т. V, с. 196]. О том, какая церковь – истинная, Тихон узнает от явившегося ему старичка [Мережковский, 1914, т. V, с. 284]. основополагающая для Мережковского идея, вложенная в уста второстепенного персонажа, неоднократно высказывается напрямую в нехудожественных текстах («Меч» [Мережковский, 1914, т. XIII, с. 22 – 23], «Л. Толстой и Достоевский» [Мережковский, 1914, т. XI, с. 31], «Пророк русской революции» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 233] и др.). Писатель убеждает нас: «Только религия Троицы (не как отвлеченного догмата, а как действенного, совершаемого откровения), только *религия Трех, которые суть Едино*, может разрешить и преодолеть страшную метафизическую антиномию двойственности, заключенную в религии одной Второй Ипостаси, не соединенной с Первой и Третьей, – *в христианстве, только христианстве*» [Мережковский, 1914, т. XIV, с. 137]. При этом, как следует из работы Мережковского о Гоголе, речь идет не о «старом, темном, исключительно монашеском, уединяющем», а «новом, светлом, соединяющем, вселенском» христианстве [Мережковский, 1914, т. XV, с. 272].

***

В ходе рассуждений мы ограничились наиболее яркими примерами из второго прижизненного ПСС Мережковского. Дополнительным аргументом в пользу его идейно-тематического единства служит наблюдаемое нами стирание границ между художественными и нехудожественными текстами. Именно этим обусловлена необходимость объединения в содержательном анализе всех произведений, невзирая на их родо-видовую принадлежность. В результате в один доказательный ряд попадают как прямые авторские высказывания, так и реплики персонажей. Причина такого подхода к материалу – не в постмодернистском нигилизме в отношении традиционных литературоведческих категорий, а в специфических чертах творчества самого Мережковского, который, согласно проницательному наблюдению В.В. Бычкова, в обращении с историческим и культурным материалом предвосхитил «почти любого “продвинутого” писателя постмодернистской ориентации» [Бычков, 2007, с. 137].

Стараясь не только доказать, но и показать в образной форме собственную мысль, автор апеллирует как к рациональному, так и эстетическому восприятию. «Не понять его романов без его критики. И критики – без романов» [Белый, 2001, с. 264], – справедливо заметил А. Белый. Иначе говоря, критика и публицистика писателя представляют собой развернутую экспликацию смыслов, зашифрован-

---

¹ В докладе «О нужде и неизбежности нового религиозного сознания», прочитанном 15 октября 1907 года на заседании Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге, В.В. Розанов утверждал: «...Нисколько не Мережковский и другие назвали свои слова “новым религиозным сознанием”, но так говорили и так начали это называть, в печати и обществе, другие. Кличка идет не от новаторов. Это надо запомнить хотя бы в целях реабилитации от хвастовства» [Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде), 2009, с. 74].

ных в художественной форме, а вместе с тем – используются как средство их актуализации и расширения проблемно-тематического поля во времени и пространстве. Большой хронотоп, в свою очередь, способствует легитимизации ПСС как структурно-семантического единства и делает более отчетливой картину мира писателя, то есть его мировоззрение, объективированное текстуально.

Литература

- Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992.
- Белый А. Мережковский // Д.С. Мережковский: pro et contra. СПб., 2001.
- Беляев А. Антихрист // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1900. Т. 1.
- Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007.
- Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: В 24 т. М., 1914.
- Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1996. Т. 2.
- Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907 – 1917: В 3 т. М., 2009. Т. 1.
- Смирнов П. Антихрист по учению раскола // Православная богословская энциклопедия. Пг., 1900. Т. 1.
- Холиков А.А. «Полное собрание сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии». Приложение к статье // Обсерватория культуры. 2011. № 3.
- Холиков А.А. Научно-справочный аппарат в прижизненных полных собраниях сочинений русских писателей (к постановке проблемы) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011а. Т. 153. Кн. 2.
- Холиков А.А. Основные научные работы о Д.С. Мережковском: материалы к библиографии // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011б. Вып. 2 (24).
- Холиков А.А. Полные собрания сочинений русских писателей: вопросы истории и типологии // Обсерватория культуры. 2011в. № 2.
- Холиков А.А. Принципы научного изучения прижизненных полных собраний сочинений русских писателей // Филологические науки. 2011г. № 3.
- Холиков А.А. «Авторские микротексты» в прижизненном полном собрании сочинений Д.С. Мережковского (к постановке проблемы) // Наукові записки Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Серія: Літературознавство. 2012а. Вип. 2 (70).
- Холиков А.А. Авторское предисловие к прижизненному полному собранию сочинений Д.С. Мережковского: «рефлексивный» аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2012б. Т. 12. Вып. 1.